

НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Год издания XXXIII

№ 1

Январь, 1957 г.

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ОТГОЛОСКИ МИЖУВШЕГО

Августина Врзала от 23 июня 1890 года.

Как и Мудры, Врзал в основном обращается к Чехову за разрешением переводить его произведения на чешский язык. Письмо

К ИСТОРИИ РУССКО- ЧЕШСКИХ СВЯЗЕЙ

Имя А. П. Чехова пользуется популярностью среди чешских литераторов.

Сохранилось около

ста писем чешских переводчиков и писателей к Чехову. Письма эти хранятся в Москве, в отделе рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина (фонд А. П. Чехова). К сожалению, чеховских ответов найдено пока всего лишь четырнадцать (одиннадцать из них находятся в Праге, в Литературном архиве Национального музея), хотя из писем переводчиков видно, что отвечал Чехов весьма регулярно. Нет сомнения, что многие письма Чехова находятся и по сей день в архивах чешских деятелей и что со временем они будут обнаружены. Но и то, что имеется, представляет значительный интерес для характеристики Чехова как человека и писателя, а вся корреспонденция в целом хорошо показывает отношение чехов к великому русскому писателю и его творчеству, помогает прочесть малоизвестную страницу из истории русско-чешских культурных связей конца XIX — начала XX века.

Первое из имеющихся в нашем распоряжении писем к Чехову относится к 22 октября 1889 года; оно написано чешским писателем и переводчиком Кириллом Мудры. К. Мудры пишет, что он уже перевел на чешский язык рассказы и повести Л. Толстого, Короленко, Достоевского, Гнедича, Баранцевича и других и что переводы эти были одобрены чешской публикой. Мудры выражает надежду, что Чехов также позволит ему перевести «свои предельные рассказы» на чешский язык, и просит прислать ему «Невинные речи», «Пестрые рассказы», «В сумерках», «Рассказы», в особенности «Степь» и «Огни».

Интерес, проявлявшийся в Чехии в конце восьмидесятых годов к творчеству писателя, отчетливо выступает и в письме к нему чешского критика и переводчика

Врзала не застало Чехова. В то время он уже больше двух месяцев совершал свое путешествие «с препятствиями», пробираясь на Сахалин сквозь «грязь, дождь, злющий ветер, холод...». Лишь в декабре, вернувшись в Москву, Чехов ответил Врзалу, дал ему разрешение на авторизацию, а летом 1891 года послал также свою автобиографию, которую Врзал намеревался приложить к чешскому изданию рассказов Чехова.

Следующим корреспондентом Чехова, обратившимся к нему за разрешением переводить его произведения на чешский язык, является переводчица Е. Била. В архиве А. П. Чехова имеются три ее письма, относящиеся к 1895—1896 годам. Е. Била просит у Чехова разрешения перевести не только его рассказы, но и драматические произведения, которыми «в Праге очень интересуются». Имеется и одно ответное письмо Чехова.

Много писем (их сохранилось 48) написала Чехову переводчица Эльза Голлер. Правда, она переводила Чехова на немецкий язык, но печатала свои переводы главным образом в пражской газете «Politik» и тем самым не менее своих чешских собратьев способствовала ознакомлению общества с творчеством великого русского писателя.

Наибольшего внимания заслуживает переписка между Чеховым и переводчиком Б. Прусином, охватывающая период с 1896 по 1904 год. Что особенно важно, в этой переписке имеются десять писем А. П. Чехова, никогда не публиковавшихся.

Прусику регулярно извещал Чехова о выходе его произведений в Чехии, посылал ему экземпляры своих переводов. В письмах Прусика мы находим интересные данные о постановках пьес Чехова на сценах чешских театров («Чайка», «Дядя Ваня» и другие), о восторженном отношении к великому русскому писателю со стороны чешских читателей и зрителей. «Так, как любят Вас, у нас мало кого любят из современных русских писателей», — писал Прусику Чехову.

В июне 1897 года Прустик, взявшись написать большую статью о Чехове для журнала «Květu», обратился к писателю с просьбой сообщить ему свою краткую биографию. В ответном письме Чехов писал:

«Я учился в Таганроге в гимназии, затем окончил медицинский факультет в Москве. В 1890 году путешествовал по острову Сахалину, а теперь живу в своем небольшом имении в 70 верстах от Москвы. И это все...

Вы спрашиваете, чем я занимаюсь помимо литературы? Занимаюсь медициной. Медицину считаю своей законной женой, а литературу своей подругой, которая мне милее, чем жена...»¹

Прустик, приведя эту автобиографию Чехова, оценил ее как «автобиографию настоящего художника, скромного до крайности». «Читайте,— писал он,— обстоятельные, утомляющие многочисленными деталями автобиографии, в которых тенденция к самовосхвалению тщетно прикрывается цитированием суждений других, и читайте это: учился, путешествовал, уединился, и больше ничего». И, подчеркивая, что «самое главное автор завещал истории литературы», которая «сумеет оценить его», Прустик предсказывает, что в будущем «о жизни Чехова выйдут толстые книги».

Переписка Чехова с Прустиком иногда выходит за рамки личных взаимоотношений. Через Прустика к Чехову неоднократно обращались другие чешские деятели литературы и искусства, и наоборот. Так, например, в письме от 27 сентября 1901 года Чехов обратился к Прустику со следующей просьбой. «В Московском Художественном театре,— писал он,— в скором времени пойдет пьеса Немировича-Данченко («В мечтах».— Ш. Б.); в этой пьесе, между прочим, действующим лицом является один ученый-путешественник, по происхождению чех. Так как наши артисты никогда не видели чехов, то могут произойти затруднения и даже недоразумения в гриме, и во избежание этого дирекция Художественного театра поручила мне обратиться к Вам с покорнейшей просьбой — выслать несколько фотографий чешских лиц, которые Вы находите типичными. Исполнением

этой просьбы очень обяжете и театр, и меня».

Б. Прустик с удовольствием выполнил эту просьбу.

Чехов, отправляясь за границу, не раз собирался побывать в Праге, ближе познакомиться с чешскими людьми. Об этом своем намерении он писал Б. Прустику еще в 1896 году и потом неоднократно повторял в других письмах к нему.

«Осенью,— читаем мы в упомянутой статье Прустика о Чехове в журнале «Květu», — когда наш автор поедет за границу («Гонят доктора!» — пишет он в своем последнем письме), его путь, возможно, поведет и через Прагу. Тогда узнаем его не только мы, и так уже знающие его по сочинениям, но и он узнает нас, коих до сих пор не знал, и увидит, что не только в России хорошо понимают его здоровый реализм, но и что далеко от себя он нашел понимание и искренних почитателей».

Известно, что приезд Чехова в Прагу тогда не состоялся, но его продолжали приглашать и в последующие годы.

Подобные приглашения Чехов получал и от представителей других славянских народов. Небезынтересно привести письмо словака Душана Петровича Маковицкого, домашнего врача и близкого человека Льва Николаевича Толстого. Еще зимой 1901/02 года, во время одной из своих встреч с А. П. Чеховым и Л. В. Срединым, Маковицкий приглашал писателя поехать к словакам и угорским русинам. В письме к Чехову от 13 февраля 1903 года, посланном из Жилины, Маковицкий напоминает о своей прошлой годней просьбе. «Нам,— пишет он,— небольшому числу национально сознательных словаков и русинов, Ваше посещение будет мило, ободрительно. Вам же хорошо будет узнать положение угнетенных малых наций, интересен будет наш народ и край...» Маковицкий подробно объясняет Чехову, как ему лучше проехать, предлагает выслать нужные книги и проводители. Но и эта поездка, как мы знаем, не состоялась.

В 1904 году Маковицкий узнал из газет о пребывании Чехова в Баденвейлере. «Я слышал,— писал он тогда Прустику,— что Вы находитесь в регулярной переписке с Ант. П. Чеховым. Не могли бы Вы связаться с ним и письменно или устно посоветовать ему посетить Чехию и Словакию? Ч[ехов] однажды говорил, что охотно по-

¹ Этот отрывок из письма Чехова опубликован Б. Прустиком на чешском языке в журнале «Květu» (1897). Здесь дается в переводе с чешского.

сетил бы эти страны [народы]. Надо его пригласить. Будьте добры, займитесь ЭТИМ».

Смерть А. П. Чехова оборвала эти планы и надежды.

Ш. БОГАТЫРЕВ.

